

К вопросу об отражении морфологического процесса в памятниках письменности

Исследование морфологического процесса предполагает решение ряда задач: определение хронологических и локальных рамок процесса, выявление причины или причин, вызвавших данный процесс, определение места этого процесса среди других. Решение двух последних задач невозможно без решения двух первых.

Заключения о первоначальных зонах появления новых форм и дальнейшем их распространении и заключения о хронологии того или иного процесса (т. е. о времени его начала, широкого распространения новообразований и их превращения в норму) делаются на основе изучения письменных памятников и говоров. Как известно, важность этих источников при изучении различных морфологических процессов неодинакова.

При изучении морфологического процесса по данным письменных памятников необходимо разграничивать его течение в литературном языке и в народно-разговорном.

Основываясь на показаниях письменных памятников, тщательно анализируя содержащийся в них материал, историк языка во многих случаях может довольно точно установить закономерности употребления новых и старых форм, определить хронологию процесса в литературном языке. В отношении народно-разговорного языка, изучаемого по письменным памятникам, это задача более сложная. Степень ее трудности для разных процессов, разных эпох и категорий памятников оказывается неодинаковой. Она связана прежде всего с тем, что в разные эпохи соотношение между литературным языком и народно-разговорным неодинаково, степень разрыва между ними меняется. Естественно, если процесс протекает в

ту эпоху, когда степень разрыва между литературным языком и народно-разговорным невелика, то, основываясь на показаниях письменных памятников, процесс изучить легче, нежели в том случае, когда разрыв между литературным языком и народно-разговорным весьма значителен.

Различная степень трудности при изучении морфологических процессов по данным письменных памятников связана и с характером последних. Если процесс действовал в эпоху, от которой сохранилось много таких текстов, как частные письма (в них, как известно, ярче всего проявляются особенности живой речи) и документы частного характера (закладные, купчие, меновные и др.), то изучение процесса менее затруднительно.

Изучение морфологического процесса по данным письменных памятников облегчается и в том случае, если от соответствующей эпохи сохранились грамматики, следовательно, речь идет о более позднем времени. Однако определяя хронологию процесса в народно-разговорном языке по данным письменных памятников с учетом показаний грамматик, следует иметь в виду, что в последних отражается не самое новое, складывающееся в это время или недавно появившееся в языке, а то, что уже как-то отстоялось, стало привычным, т. е. сформировавшееся в языке ранее.

Дело в том, что литературный язык не сразу фиксирует изменения, происходящие в живой речи. Причем новообразования, более ранние в народно-разговорном языке, в литературном могут оказаться более поздними и наоборот. Так, например, древнейший случай употребления новообразования на *-ам* от имени существительного м. р. зафиксирован в памятнике более раннего времени, чем форма на *-ам* от существительного ср. р.; ср. древнейшие примеры новых форм: рижанямъ, Смол. гр. 1229 (РЛА, I Прилож. В); беззакониямъ, матигорьцамъ. егуптянамъ, Парем. 1271¹; постояниямъ, III Новг., № 10 (1305). Но детальный анализ материала свидетельствует о том, что в разговорном языке вытеснение старых форм дат. мн. новыми (на *-ам*) у слов м. р. происходило позже, чем у слов ср. р.

¹ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 177.

Изучение истории морфологического процесса на основе показаний письменных памятников требует привлечения более или менее значительной группы рукописей². За основу берутся показания памятников делового письма. В зависимости от поставленной задачи привлекаются памятники, происходящие из одной области Руси или из разных; в последнем случае необходимо учитывать диалектную принадлежность памятника.

Привлечение большой группы памятников, притом разновременных, — необходимое условие при изучении истории того или иного морфологического явления. Выяснение морфологического процесса по данным одного памятника или группы памятников, особенно позднего времени, ограниченных узкими хронологическими рамками, может привести к неправильным выводам.

Этим объясняются, например, те большие противоречия, которые существуют в науке по вопросу об унификации форм имен существительных в дат., тв. и местн. пад. мн. ч. Так, например, А. Шахматов³ в «Исследовании о языке новгородских грамот XIII и XIV века», на основе изучения группы новгородских грамот XIII—XIV вв., приходит к выводу о первенстве в этом процессе имен существительных ср. р. и считает основной причиной, вызвавшей появление новых форм в дат., тв. и местн. пад. мн. ч. влияние форм им. мн. существительных ср. р. на -а. Б. Унбегаун, изучив материал памятников делового

² При изучении этого вопроса мы обращались к памятникам разного времени, различных жанров (памятники делового письма, летописи, памятники церковно-религиозного содержания, хождения, переписка и др.), относимых к разным областям Руси (в основном памятники новгородские, двинские, московские). Помимо материала, извлеченного из памятников, мы в своей работе использовали фактический материал, приведенный в некоторых диссертациях и статьях, посвященных именному склонению в ту или иную эпоху, и материал статей, касающихся отдельных сторон вопроса об унификации форм имен существительных в дат., тв. и местн. пад. мн. ч.

³ А. А. Шахматов, трижды обращавшийся к данному вопросу, каждый раз приходил к новому выводу. См.: А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886; о н ж е. Исследование о двинских грамотах XV века. СПб., 1903; о н ж е. Курс истории русского языка, т. III. СПб., 1911.

письма XVI в., делает заключение о двух очагах появления новообразований. Это, по его мнению, имена ср. р., у которых новые формы возникли под влиянием форм им. мн. имен. ср. р. на *-a*, и существительные м. р. — названия лиц мужского пола, получившие флексии *-ам*, *-ах*, *-ами* под влиянием слов типа *a*-основ. П. Я. Черных, анализируя материал Уложения 1649 г., отмечает первенство в этом процессе существительных типа *i*-основ и объясняет появление новообразований влиянием существительных типа *a*-основ⁴. Были предложены и другие гипотезы⁵.

Правда, можно предположить, что унификация форм имен существительных в дат., тв. и местн. пад. мн. ч. в разных областях Руси и в разное время происходила неодинаково. Но имеющиеся у нас данные говорят о том, что хотя этот процесс и развивался по говорам неодновременно, но процесс в целом и развитие его отдельных звеньев были одинаковы в разных русских говорах⁶. Так, например, и в говорах северных областей Руси (Новгород, Двина), и в говоре Москвы вытеснение старых форм новыми в типе *i*-основ происходило позже, чем в типе *o*-основ; в этих говорах в категории существительных ср. р. новые флексии раньше всего появились у слов, имеющих суффиксы *-иц-*, *-j-* и некоторых других; флексия местн. мн. *-ах* в категории существительных м. р. раньше всего появляется у слов *pluralia tantum* — географических названий и т. д.

⁴ А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 196—197; В. U n b e g a u n. La langue russe au XVIe siècle. Paris, 1935, стр. 199 и сл.; П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 296.

⁵ Обзор различных гипотез дается в ряде работ. См., например: Б. И. К о с о в с к и й. К истории именного склонения в русском деловом языке второй половины XVII века. Канд. дисс. М., 1946—1947, стр. 288 и сл.

⁶ Имеем в виду говоры северновеликорусские и московский. Сделать заключение об унификации форм имен существительных в дат., тв. и местн. пад. мн. ч. в южновеликорусских говорах, к сожалению, не представляется возможным, поскольку южновеликорусских текстов, столь же древних, как северновеликорусские и московские, не сохранилось; самые ранние южновеликорусские тексты относятся лишь ко второй половине XVI в. (см.: С. И. К о т к о в. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 3).

При исследовании морфологического процесса на основе показаний письменных памятников необходимо детальное изучение материала каждого памятника (т. е. необходимо применение интенсивного метода)⁷. Последнее предполагает, что материал, подлежащий изучению, извлекается из памятника исчерпывающим образом — извлекаются все без исключения и новые, и старые формы.

При изучении собранного материала необходима его статистическая обработка. Причем нельзя ограничиваться подсчетом только новых форм, необходим учет и количественного соотношения новых и старых форм.

Следствием одностороннего интереса только к новым формам являются неправильные выводы и заключения, к сожалению, не редкие в работах, затрагивающих отдельные вопросы исторической морфологии русского языка. Так, например, в статье Ф. А. Яковлевой, посвященной именному склонению в новгородской деловой письменности XVI в., отмечается единичность новообразований тв. мн. существительных м. и ср. р. и при этом в перечне примеров приведена одна форма от существительного ср. р. (*полями*), в числе же старых форм тв. мн. нет ни одного образования от имен существительных ср. р.⁸ На основе подобных данных нельзя сделать никакого вывода об употребительности новых форм тв. мн. Совершенно очевидно, что единичные новообразования (одно, два, три), используемые без сопоставления их со старыми формами, сами по себе ничего не говорят об употребительности новообразований в литературном языке и

⁷ Об интенсивном и экстенсивном методах изучения рукописей см., например: Б. М. Ляпунов. Ответ на рецензию проф. А. И. Соболевского. — ЖМНП, т. VI, СПб., 1900, стр. 395; А. И. Соболевский. Ответ на ответ Б. М. Ляпунова. — Там же, стр. 401; Б. М. Ляпунов. Несколько слов по поводу замечаний проф. А. И. Соболевского. — ЖМНП, т. XI, 1900, стр. 263; В. А. Розов. Исследование языка южно-русских грамот XIV и первой половины XV в. «Киевские университетские известия», 1908, № 1, стр. 17; В. В. Виноградов. Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка в исследованиях акад. А. А. Шахматова. — «Изв. ОРЯС», т. XXV, 1920, стр. 197; К. В. Горшков а. (рец.) Chr. S. Stang. La langue du livre. «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей», 1647. — ВЯ, 1954, № 2, стр. 134—135.

⁸ Г. А. Яковлева. К истории форм дат., твор., местн. пад: мн. ч. существительных м. и ср. р. «Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. ун-та», вып. 2. Нальчик, 1957, стр. 401.

в разговорной речи. Эти новообразования могут свидетельствовать и об очень слабом развитии процесса в разговорном языке, может быть, о начале его (это в том случае, если в памятнике отмечено много случаев употребления старых форм), и о более или менее значительном развитии процесса (при отсутствии в памятнике старых форм или при единичных случаях их употребления).

Однако полагаться только на частоту употребления новообразований в памятнике, учитывая количественное соотношение новых и старых форм, при определении употребительности новообразований в разговорном языке нельзя, так как большая частота употребления отдельных форм может создаваться за счет большого количества форм от одного слова. Например, в просмотренных нами памятниках деловой письменности первой половины XVII в. ⁹ в 530 (в круглой цифре) старых форм дат. мн. от существительных типа *i*-основ (а всего форм дат. пад. от слов этого типа склонения отмечено примерно 610) входят формы *людемъ* (более 400), *дѣтемъ* (примерно 50), *рѣчемъ* (примерно 25). Ср. еще: в 800 (в круглой цифре) старых форм дат. мн. существительных м. р. (общее количество форм дат. мн. около 900) находим формы *бояромъ* (отмечена 44 раза), *воромъ* (43), *городомъ* (38), *казакомъ* (38), *дворяномъ* (32) и др.; в 1050 случаях употребления старых форм тв. мн. имен м. р. (при 50 новых) входят формы *съ товарищи* (более 250 раз), *нѣмцы*, *казаки*, *послы* и некоторые другие, встречающиеся примерно по 30 раз, и т. д.

Для того чтобы судить об употребительности новообразований, необходимо сопоставлять не только общее количество новых и старых форм, встречающихся в памятнике, но и количество имен, имеющих новую форму, с количеством имен, имеющих старую форму.

Применение статистического метода (учет количественного соотношения новых и старых форм, учет количественного соотношения слов, имеющих новую и старую

⁹ Грамоты и частные документы первой половины XVII в., содержащиеся в следующих изданиях: «Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая—17 июля 1610 г.)». М., 1914 (далее АШ и номер акта); «Архив П. М. Строева», т. II (РИБ, т. XXXV). Пг., 1917 (далее АС II и номер акта); «Тверские акты, изданные Тверскою ученою архивною комиссиею», под ред. С. Шуйкова, вып. II. Тверь, 1897.

форму), казалось бы, позволяет более или менее точно выяснить употребительность тех или иных форм в языке деловой письменности и в какой-то мере в народно-разговорном языке. Можно было бы полагать, что единичные новообразования (одно или два) при многочисленных старых формах свидетельствуют о недавнем начале процесса в народно-разговорном языке, а наблюдающееся в письменности массовое вхождение новообразований указывает на значительное развитие процесса в этом языке и т. д.

Однако учет лишь количественных соотношений новых и старых форм и количества слов, образующих новую и старую форму, еще не дает достаточных оснований для определения степени развития процесса в живой народной речи, поскольку новообразования, представленные в памятниках, имеют различную значимость.

Новообразования могут иметь различную значимость в зависимости от памятников, в которых отмечаются, так как разные памятники неодинаково интенсивно отражают процесс, действующий в недрах народной речи. Последнее зависит от ряда причин. Так, есть зависимость и от того, является ли данная рукопись оригиналом или представляет собой копию оригинала, созданного в значительно более раннюю эпоху. В такую копию новые формы проникали менее интенсивно, нежели в создаваемый в то время оригинал: переписчик, списывая с оригинала, обычно соблюдал его нормы. Интенсивность проникновения новообразований в письменность связана и с грамотностью, выучкой писца: в памятнике, написанном менее грамотным писцом, особенно писцом-непрофессионалом, ярче проявляются изменения, происходящие в морфологии народной речи, нежели в памятнике, написанном хорошо обученным писцом; последний уверенно пользуется традиционными написаниями.

Изменения в морфологической системе народно-разговорного языка с различной степенью интенсивности отражаются в памятниках разных жанров. Новообразования, появившиеся в устной речи, легче проникают в язык памятников, отражающих повседневную жизнь; такова, например, частная переписка, деловая письменность, отдельные фрагменты летописей и некоторых других произведений. Менее восприимчивы к новообразованиям памятники церковнокнижного характера. Имеющиеся у нас

данные об отражении процесса вытеснения старых форм новыми в дат., тв. и местн. пад. мн. ч. у имен существительных м. р.¹⁰ говорят о том, что в разные периоды развития процесса в народно-разговорном языке разница между жанрами письменности в отношении интенсивности вхождения в нее новообразований неодинакова. На начальных ступенях развития процесса эта разница менее заметна (новообразования во всех жанрах письменности являются редкими исключениями), на последующих ступенях она более явственна. Ср., например, отражение процесса вытеснения старых форм дат. мн. новыми у имен существительных м. р. в памятниках разных жанров, в разные периоды. Так, еще в XVI в. новообразования были примерно одинаково употребительны в разных жанрах письменности¹¹. В просмотренных нами памятниках делового письма первой половины XVI в. отмечена одна новая форма и около 240 старых; в грамотах и актах второй половины XVI в. отмечено 23 новообразования и примерно 270 старых форм; в «Домострое» — 6 новых и несколько более 60 старых; в «Посланиях Ивана Грозного кн. А. Курбскому» — 3 новые и примерно 80 старых; в «Истории о великом князе Московском» кн. А. Курбского — 3 новые формы и свыше 70 старых и т. д. В XVII в. частота употребления новообразований в разных жанрах письменности становится неодинаковой. В отмеченных выше памятниках делового письма первой половины XVII в. новообразования встречаются в 8—9 раз реже старых форм (с флексией *-ам* отмечено 180 форм, с флексиями *-ом*, *-ем* — более 1500 форм); в «Повестях Смутного времени», написанных церковнокнижным языком, новообразования менее употребительны, чем в памятниках делового письма, причем

¹⁰ В подтверждение высказанному положению можно привести и некоторые другие факты из истории унификации форм имен существительных в дат., тв. и местн. пад. мн. ч. Мы берем формы слов м. р. потому, что они очень многочисленны и поэтому особенно показательны.

¹¹ Исследованы грамоты и акты частного характера XVI в., содержащиеся в следующих изданиях: «Архив П. М. Строева», т. I (РИБ, т. XXXII). Пг., 1915; «Архив П. М. Строева», т. II (РИБ, т. XXXV). Пг., 1917; «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1950; «Тверские акты, изданные Тверскою ученою архивною комиссиею», под. ред. С. Шумакова, вып. 4. Тверь, 1896.

в некоторых повестях новообразования вообще отсутствуют (ср. «Временник дьяка Ивана Тимофеева», «Сказание Авраамия Палицына», «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском»), в других повестях встречаются очень редко; например, в так называемом «Ином сказании» отмечено 3 новых формы и более 120 старых; в «Повести како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» отмечена одна новая форма и 20 старых и т. д.

Кроме того, необходимо учитывать, что в разные периоды жизни народа морфологический процесс, развивающийся в народно-разговорном языке, неодинаково интенсивно отражается в одном и том же жанре письменности. Об этом говорит, например, одно, на первый взгляд странное, явление, отмеченное в памятниках делового письма северновеликорусского происхождения при изучении истории унификации форм имен существительных в дат., тв. и местн. пад. мн. ч. В новгородских и двинских деловых документах XVI в. новообразования дат. мн. (на *-ам*) у имен существительных м. р. менее употребительны, чем в актах XV в.; в новгородских документах XV в. эти новообразования встречаются реже, чем в актах последней трети XIV в., ср. соотношение количества новых и старых форм дат. мн. у слов м. р. в грамотах северновеликорусского происхождения последней трети XIV—XVI вв. (первыми в графе указываются новообразования) ¹².

Памятник	XIV в.	XV в.	XVI в.
Новгородские грамоты . . .	17/4	40/62	4/20
Двинские грамоты	—	20/10	3/16

Уменьшение употребительности новообразований дат. мн. на *-ам* у существительных м. р. в северновеликорусских актах позднего времени по сравнению с актами

¹² Используем данные грамот и документов частного характера, опубликованных в следующих изданиях: А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886; он же. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903; И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. СПб., 1909; «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949; «Архив П. М. Строева», т. 1 (РИБ, т. XXXII). Пг., 1915.

более ранними не свидетельствует о подобном развитии процесса в новгородском и двинском говорах: не мог процесс, получивший значительное развитие в одном направлении, пойти в обратном направлении и все же завершиться победой форм на *-ам*. По-видимому, указанное явление было свойственно только письменному языку и, может быть, объясняется тем, что в XV—XVI вв. усиливается влияние норм московской деловой письменности¹³, в которой тогда обычными были старые формы дат. мн. Интенсивность вхождения новообразований в письменность в зависимости от исторических условий, очевидно, была неодинаковой для разных процессов в разные эпохи в разных областях Руси и в разных жанрах письменности. В частности, например, в письменности делового содержания южновеликорусских областей в XVI—XVII вв., хотя влияние московского приказного языка и сказывалось, еще не было строгих орфографических норм (имеющих в своей основе нормы московской деловой письменности) и широко проявлялись местные, южновеликорусские особенности¹⁴.

Поскольку степень отражения в письменности морфологического процесса, действующего в народно-разговорном языке, неодинакова в зависимости от жанра памятника, грамотности писца, времени написания памятника по отношению к началу процесса в народно-разговорном языке и т. д., то, как уже отмечалось, новообразования в разных памятниках имеют различную значимость¹⁵.

¹³ Поскольку в просмотренных нами памятниках XVI в. содержится сравнительно небольшое количество форм дат. мн. от слов м. р., то приведенное в таблице количественное соотношение новых и старых форм может показаться недостаточным для вывода об уменьшении употребления новообразований в памятниках XVI в. по сравнению с более ранними. Однако приведенные формы не единичны, к тому же отмеченное выше явление наблюдается и в новгородских, и в двинских грамотах. Поэтому, нам кажется, данная таблица может свидетельствовать об уменьшении употребительности новообразований дат. мн. в памятниках XVI в. по сравнению с более ранними.

Б. Унбегаун отмечает, что в XVI в. во всех областях Руси установился единый тип деловой письменной речи, имеющий в основе московскую деловую речь. См.: В. У н б е г а у н. Указ. соч., стр. 10—12.

¹⁴ См.: С. И. К о т к о в. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 26—27.

¹⁵ Ср. замечание Б. Ляпунова: «... одно и то же написание одной и той же формы может иметь разное значение в разных па-

Например, единичные ранние случаи употребления новообразований писцом, хорошо усвоившим орфографию и придерживавшимся традиционных написаний, по-видимому, могут свидетельствовать о том, что в живой речи соответствующий процесс уже получил некоторое развитие. Единичные же ранние новообразования малограмотного писца могут появиться и вскоре после начала соответствующего процесса в народно-разговорном языке. Далее, если единичные новообразования находим не только в памятниках, написанных языком, близким к разговорному, но и в памятниках, для которых характерен книжный стиль речи, можно предположить, что процесс вытеснения старых форм новыми находится не в самой начальной стадии, а уже получил некоторое развитие¹⁶. Необходимо учитывать и различную значимость новообразований в зависимости от других причин, например в зависимости от того, употребляется форма в свободном словосочетании или в устойчивом (в частности, в застывшей формулировке), в зависимости и от частоты употребления формы данного слова в литературном языке. Имеет значение и область употребления данного слова, специфика этой области.

В трафаретных формулировках и вообще в устойчивых словосочетаниях вытеснение старых форм новыми протекает очень медленно. См., например, преимущественное употребление старых форм местн. мн. от существительных ср. р. в устойчивых формулировках, встречающихся в деловой письменности XVII в., в то время как и в других контекстуальных условиях процесс вытеснения старых форм местн. мн. новыми у слов ср. р. уже закончился¹⁷:

мятниках» (Б. Л я п у н о в. Ответ на рецензию проф. А. И. Соболевского, стр. 395).

¹⁶ Ю. П. Ульянов, изучив историю распространения флексий *-ам*, *-ами*, *-аз* у существительных типа *i*-основ, приходит, в частности, к выводу: «Наличие новых форм в памятниках религиозного содержания свидетельствует о том, что формы на *-ям* в живом разговорном языке этого периода (речь идет о XVI в. — Н. М.) должны быть в широком употреблении» (Ю. П. У л ь я н о в. Из истории распространения унифицированных флексий *-ам*, *-ами*, *-аз* в склонении имен существительных. «Ученые записки Чарджоуского гос. пед. ин-та», вып. 4, 1958, стр. 138).

¹⁷ О завершении данного процесса в разговорном языке Москвы ранее середины XVII в. заключаем на основе изученного нами материала.

въ правилѣхъ святыхъ отецъ, Улож. XIV, 10; въ правилѣхъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, Улож. XIV, 10; ср. также преимущественное употребление старых форм тв. мн. от имен м. р. в устойчивых словосочетаниях, отмеченное в грамотах первой половины XVII в. (когда в народно-разговорной речи новообразования тв. мн. м. р. были широко употребительны)¹⁸: одолжалъ великими долги, 1608, АШ, № 96; там же, 1649, № 125; позоры всякими позорять, АС II, № 196; приступили великими пристуны, 1609, АШ, № 36; сыскати всякими сыски, АШ, № 12; бить батоги нещадно, АС, II, № 351.

Медленно заменяются старые формы новыми и в том случае, если старая форма данного слова является особенно употребительной в литературном языке. Ср., например, длительное употребление старых форм местн. мн. от нескольких слов ср. р., постоянно встречающихся в литературном языке, — от слов *дѣло*, *мѣсто*, *село*, *лѣто* и нек. др. Старые формы этих слов очень употребительны в памятниках середины и второй половины XVII в., ср., например, в Уложении 1649 г.: во всякихъ дѣлехъ, X, 173; XII, 1; XIII, 1, 7; XXIII, 1; въ какихъ дѣлехъ, II, 13; XI, 27; XIII, 5; въ такихъ дѣлехъ, X, 143 (3), 229; XVI, 59; XXI, 51, 56 и др.; въ иныхъ мѣстехъ, X, 149; XVIII, 10; въ тѣхъ мѣстехъ, IX, 9; X, 151, 230; XIX, 19 и др.; въ селехъ, IX, 1; XI, 4; XXI, 19, 62, 69 и др.; въ малыхъ лѣтехъ, XVI, 11; не въ совершенныхъ лѣтехъ, XVI, 54. Старые формы местн. мн. от некоторых слов ср. р. часты и в памятниках конца XVII—начала XVIII в., например, в «Письмах и бумагах Петра I» старые формы встречаются главным образом от слов *мѣсто*, *дѣло*, *село* и как исключение от других (*лѣтехъ*, *днищехъ*)¹⁹; в петровских «Ведомостях» в старой форме выступают *дѣло*, *мѣсто*, *число*, причем старая несколько преобладает над новой²⁰.

Поскольку новообразования проникают в литератур-

¹⁸ Вывод о широкой употребительности новообразований тв. мн. от слов м. р. в народно-разговорном языке первой половины XVII в. делаем на основе изучения соответствующего материала.

¹⁹ И. Я. Семин. Именное склонение в «Письмах и бумагах Петра I». Канд. дисс. Куйбышев, 1953, стр. 343—344.

²⁰ А. Е. Ладюкова. Из истории именного склонения в русском литературном языке XVIII века (падежные формы имен существительных в петровских «Ведомостях»). Канд. дисс. Л., 1956, стр. 237.

ный язык с различной степенью трудности, то и значение их для суждения о степени развития морфологического процесса в народно-разговорном языке неодинаково. Так, новообразование, даже единичное²¹, зафиксированное в устойчивой конструкции, свидетельствует о значительном развитии процесса в народно-разговорной речи или о господстве новых форм в какой-то семантико-словообразовательной группе. Старые формы, как было сказано, особенно устойчивы в церковнокнижном контексте. Ср. широкое употребление старых форм тв. мп. от имен существительных ср. р. в подобных контекстах сочинений Аввакума: двѣма крылы летаху, двѣма очи закрываху, Соч. богосл. V. — РИБ, т. XXXIX. Л., 1927, стр. 654; израстиша былия прекрасная, травы цвѣтныя разными процвѣтении, там же, 666; . . . статья на страшномъ судѣ Христовѣ. . . , предѣ всѣми племены, Челоб. Авв. XX, 758; и рекль онъ. . . усты твоими, там же, 762; словесы нелѣпыми, Посл. XXVII, 860; царю бьет челом богомолецъ твои. . . съ подружиею своею и чады, Челоб. XVII, 751 и др. В разговорно-бытовых контекстах его же сочинений («Житие. . .») обычны новые формы на *-ами*: везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, 52; и онѣ ево дровами бросаютъ, 31; не воротами што поплюветъ, ино в щепы изломаеть, 24.

Поскольку интенсивность вхождения новообразований в литературный язык неодинакова в зависимости от сферы употребления данной формы, от контекста, то и значимость новообразований, отмеченных в разных контекстах, при определении степени развития процесса в народно-разговорном языке неодинакова. Так, единичные новообразования в церковнокнижном контексте, по-видимому, свидетельствуют о том, что в живой народной речи процесс уже получил более или менее значительное развитие. Единичные же новообразования, отмеченные в других условиях, не могут определенно свидетельствовать о более или менее значительном развитии процесса в живой народной речи, потому что могли проникнуть в литературный язык и в начале развития процесса.

Учет количественного соотношения новых и старых форм, учет различной значимости новообразований, встре-

²¹ Здесь и ниже речь идет о единичных новообразованиях, отмеченных при очень большом количестве старых форм.

чающихся в памятниках, позволяют судить об употребительности новообразований в литературном языке и в какой-то мере о степени развития морфологического процесса в живой народной речи. Однако заключения о времени и степени развития процесса в недрах этой речи, сделанные на основе даже самого тщательного изучения материала, носят приблизительный характер.

При этом следует иметь в виду, что новообразования в письменном языке не всегда являются отражением новообразований, возникших в народно-разговорной сфере. Известны случаи появления новых форм в письменном языке независимо от народно-разговорного. Таковы некоторые формы в текстах церковнокнижного стиля, например формы тв. мн. на *-ми* от существительных ср. р. на *-ание, -ение*, формы местн. мн. на *-ох* от имен этой группы. Ср. формы тв. мн. в «Истории о великом князе Московском» кн. А. Курбского: мученьми, 294, 326, 347; наслажденьми, 343; бесѣдованьми, 253; дарованьми, 172, и др.; во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева: дарованми 271, 30, 311; зъ посажденми, 460; зъ посаженми, 459; заточенми, 315. Ср. формы местн. мн. от имен ср. р. на *-ох*, отмеченные во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева: о зданюхъ, 340; по согрѣшениюхъ, 428; о землеправленюхъ, 353 и др. Первые новообразования проникают в письменно-литературный язык несколько позже появления в народно-разговорном языке. По-видимому, разница во времени между началом процесса в народно-разговорном языке и началом его отражения в письменно-литературном неодинакова для разных морфологических процессов, что зависит и от характера процесса, и от тех исторических условий, в которых процесс протекает, и от выучки писца и т. д.

При определении времени начала морфологического процесса в народно-разговорном языке по данным письменных памятников необходима особая осторожность. Например, как следует относиться к совершенно единичному новообразованию при обильном в это время употреблении старых форм (последних — не одна сотня), если этот случай новообразования отделен от последующих аналогичных случаев большим отрезком времени (полтора-два столетия)? Свидетельствует ли эта единичная форма, отделенная от последующих аналогичных новообразований большим промежутком времени (такова,

например, форма тв. мн. *клубуками*, 1271, Парем.²²), о начале процесса или она является опиской? Нам кажется более вероятным последнее.

Определить время, когда новые формы в народно-разговорном языке получили широкое распространение (стали одинаково употребительными со старыми или превратились в господствующие), по-видимому, можно лишь в общих чертах. Об этом могут свидетельствовать не единичные, а более частые случаи вхождения новообразований в литературный язык, проникновение их в памятники различных жанров, в устойчивые словосочетания, употребление новых форм в церковнокнижном контексте.

²² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 177.